

Б.А. ПРОКУДИН

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Общественный идеал, выраженный в романах Л.Н. Толстого, претерпел кардинальные изменения. Если герои ранних его произведений, в которых исследователи видят alter ego писателя, были убеждены в особом предназначении дворянства, призванного сыграть ключевую роль в истории России, то в поздних – они полностью отрицают традиционный уклад жизни дворянства. А сам Толстой, по словам С.А. Венгерова, превращается в писателя-дворянина, «разрушившего социологическое оправдание своего класса». Рассуждения Толстого о судьбах русского дворянства в 1870-е годы, его взгляды на сельское хозяйство и развитие России нашли отражение на страницах романа «Анна Каренина», а свой тогдашний идеал дворянина Толстой воплотил в образе Константина Левина.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, «Анна Каренина», «Воскресение», «непротивленческий» анархизм, патриархальный идеал.

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. Толстой пережил сильнейший духовный кризис. Он, автор двух великих романов, богатый, знаменитый и счастливый семьянин вдруг потерял смысл жизни и даже был на грани самоубийства. Выйдя из кризиса, он стал совершенно другим человеком, полностью пересмотрел свои взгляды на жизнь и окружающую реальность. В частности, он стал критиком всей сословно-самодержавной системы организации российского общества, утверждая, что преодоление социального зла (насилия, угнетения, неравенства) невозможно, пока существуют богатые и бедные. Его отношение к деньгам, собственности, дворянским привилегиям радикально изменилось. Если ранее он хотел быть «хорошим помещиком» и приумножать свое состояние, то теперь ему стало стыдно быть «паразитом русского крестьянства». И он решил отказаться от собственности ради новой жизни.

С первого взгляда, мировоззренческие изменения Толстого кажутся кардинальными, однако перечитывая его ранние произведения, мы постоянно наталкиваемся на зачатки тех самых идей, которые он будет впоследствии последние тридцать лет своей жизни, и которые станут впоследствии частью его анархистской доктрины. К примеру, уже маленький барин Николенька Иртеньев в идиллической повести «Отрочество» (1854) замечает вдруг социальное неравенство, задается вопросом, почему люди бывают богатыми и бедными, и «отчего ж нам не разделить поровну того, что имеем?»¹. Накануне отмены крепостного права Толстой занялся устройством школ в своем имении, а с 1862 г. стал издавать педагогический журнал «Ясная поляна». И в его статьях о воспитании мы также можем обнаружить довольно радикальные взгляды на большинство социальных вопросов, которые окажутся в центре толстов-

¹ Толстой 1935в: 14-15.

ского внимания позднее. Этот факт дал возможность П.А. Кропоткину предполагать, что уже в период педагогических опытов в Яснополянской школе и работы мировым посредником, т.е. в 1861–1862 гг., Толстой «чувствовал такое отвращение к неизбежной двойственности своего положения в роли благодетельного помещика, что, по его словам, “он бы тогда, может быть, пришел к тому отчаянию, к которому пришел через пятнадцать лет, если бы у него не было еще одной стороны жизни, не изведанной еще им и обещавшей ему спасение, а именно, семейная жизнь”. Другими словами, – продолжает Кропоткин, – Толстой еще тогда был близок к отрицанию взгляда привилегированных классов на собственность и труд и мог бы присоединиться к великому народническому движению, которое тогда начиналось в России»².

Однако в течение пятнадцати лет после женитьбы (1863) до начала «духовного переворота» (1877), в период наибольшей литературной производительности, когда он писал «Войну и мир» и «Анну Каренину», а в семье один за другим рождались дети, Толстой пытался найти моральное оправдание привилегированному положению «сословия землевладельцев» и примириться со своим «двойственным положением». Но ощущение, что мир устроен несправедливо, не давало ему покоя и заставляло все это время искать пути разрешения накопившихся противоречий в общественной жизни.

Рассуждения Толстого о судьбах русского дворянства в 1870-е гг. нашли отражение на страницах романа «Анна Каренина», а свой тогдашний идеал дворянина Толстой воплотил в образе Константина Левина. Взгляды Левина на взаимоотношения помещиков и крестьян, сельское хозяйство и пути экономического развития России можно назвать «общественным идеалом» только с некоторой долей условности, прежде всего, потому что они не носят окончательного характера, и по форме являются, скорее, набором интуиций, нежели четким представлением о совершенном общественном строе. Кроме того, взгляды Левина – это лишь промежуточный итог художественного осмысления Толстым темы общественного идеала, от которого он откажется уже через несколько лет после выхода в свет романа «Анна Каренина».

Как бы там ни было, общественный идеал Константина Левина нуждается в реконструкции. И в первом приближении его можно охарактеризовать, как идеал сельскохозяйственный. Левин был убежден, что сельское хозяйство является для России основной отраслью экономики, и благосостояние всех сословий общества зависит исключительно от него. Нужно сказать, что в 1870-е гг. Толстой связывал свои надежды на обновление России с проведением земельной реформы, «осуществляемой по инициативе русского дворянства»³. В то время помещичья зем-

² Кропоткин 2016: 145. Есть основания полагать, что толстовское отношение к народу, стоящему «выше» культурного класса, было, во многом, унаследовано у Ж.-Ж. Руссо, которого Толстой считал своим учителем. См.: Прокудин 2017: 213-233.

³ См.: Шаваринская 2012: 155.

ля все больше вовлекалась в рыночный оборот, дробилась, распродалась, и старый порядок отношений в сфере сельского хозяйства менялся. Эти изменения тревожили Толстого. Но более всего его беспокоило развитие взаимоотношений дворян и крестьян. Впервые свои мысли по этому вопросу Толстой высказывал еще в «Записке о дворянском вопросе» (1858), написанной в свете предстоящего освобождения крестьян.

Как отмечает Ю.И. Красносельская, изучавшая причины написания «Записки», этот текст явился реакцией Толстого на речь Александра II перед московским дворянством, произнесенную им в ходе путешествия по России в августе-сентябре 1858 г. Это путешествие было предпринято в качестве своего рода высочайшей инспекции на предмет готовности «на местах» к «улучшению быта» крестьян, как тогда называли подготовку к отмене крепостного права⁴. Толстому не понравилось, что в своей речи государь «укоряет дворянство в медленности изъявления согласия на освобождение, <...> и дает чувствовать, что медленность эта может поставить дворянство в опасное положение»⁵. Александр, по мнению Толстого, намекал на то, что бездействие дворян может спровоцировать волнение крестьян, отчаявшихся дожидаться «воли». Толстого возмутила несправедливость «высочайшего» обвинения. По его мнению, именно дворянство, а не правительство со времен Екатерины II создавало условия для освобождения крестьян, готовя этот вопрос «и словом и делом», посылая «в 25 и 48 годах <...> своих мучеников в ссылки и на виселицы», в то время как правительство «всегда давило этот вопрос»⁶. Толстому не нравилось какую экономическую схему освобождения крестьян предлагает правительство, но его беспокоили не столько экономические, сколько моральные последствия проводимой реформы. Он сетовал, что правительство, пытаясь присвоить себе заслугу по освобождению крестьян, может привести к разъединению «сверху» дворян и крестьян. «Толстой опасался, что в результате государственной реформы крестьяне выйдут из-под нравственного попечительства дворян, с которыми они были связаны исторически»⁷.

Еще в самом первом документе, отражающем интерес Толстого к крестьянскому делу, в т.н. «Заметке о фермерстве» (1856), он предлагал наиболее предпочтительную схему отношений с крестьянами. В «Заметке» Толстой выступал за передачу земли индивидуальным собственни-

⁴ См.: Красносельская 2014: 15-17.

⁵ Толстой 1983: 407.

⁶ Там же: 411.

⁷ Красносельская 2014: 17. Похожей позиции в трактовке «Записки» придерживается К.Б. Фойер, которая высказывала такое предположение: «По всей вероятности, Толстого интересовал главным образом не вопрос о владении землей *per se*. <...> Толстого возмутила несправедливость, которую правительство допустило по отношению к помещикам, пытаясь присвоить себе всю заслугу и инициативу проведения нравственных реформ» (см.: Фойер 2002: 156).

кам (фермерам), с тем чтобы помещик сохранил свою руководящую роль в деревне: «Фермерство с оставлением земледельцев собственниками таких участков, при которых они не были бы поставлены в необходимость искать средств к пропитанию. – При контракте всегда одна сторона имеет более прав и влияния на другую, и одна зависит от другой. – В отношении контракта по обработке поземельной собственности, справедливее, чтобы работающая имела большее влияние. Так надо освободив крестьян поставить их. Для этого укрепить за ними необходимое количество земли. Укрепив ее, помещик будет в зависимости от их работы и принужден будет, – большой по величине, малый по незначительности, – отдать им. Кому он отдаст? Не всем равно. Способнейшим. – Выходит фермерство с собственностью. – Дворянин не может быть земле дельцем, ибо будет наравне с низшим классом – вражда; демократия невозможна по неравенству образования. Двор[янин] будет же защит[ником] крестьян, потому что его земля будет в руках их»⁸. Судя по «Заметке», идеальная схема освобождения в тот момент Толстому виделась как «личная свобода + пользование чужой собственностью». Как отмечает Ю.И. Красносельская: «При таком варианте крестьянин оказывается обязан помещику «попечением» (юридическим, образовательным), а помещик крестьянину – заботой о его земле»⁹.

Пожалуй, слова об исторической связи между крестьянами и дворянами, попечении и особом предназначении дворянства, могут стать отправной точкой в понимании общественного идеала, сформулированного Левиным в романе «Анна Каренина», центральным понятием которого станет дворянство «обязанность к земле».

Диалог в романе, где наиболее подробно разъяснена суть дворянской «обязанности к земле» происходит на выборах в дворянское собрание (часть шестая), в которых принимает участие Левин. Вообще, выборы, увиденные глазами Левина, предстанут перед читателем как мероприятие бессмысленное и почти абсурдное. Несмотря на то, что политическая повестка этих выборов включала значимые вопросы народного образования и земского самоуправления, Левин никак не постиг суть развернувшейся политической борьбы: партийных программ, властных амбиций, «баллотировки».

Нужно сказать, что описывая выборы, Толстой применял художественный прием, который в филологической среде (благодаря Виктору Шкловскому) получил название «остранение»¹⁰. От слова странный. Суть приема – посмотреть на привычные предметы как будто в первый раз, глазами ребенка, вырвать из привычного социального контекста и увидеть их «странными». Помимо того, что он обладает сильным художественным эффектом, этот «анархический» по духу прием очень

⁸ Толстой 1935а: 241.

⁹ Красносельская 2016: 87.

¹⁰ См.: Шкловский 1990: 58-72.

подходил Толстому, потому что мог поставить под сомнение «неоспоримые» ценности, проверяя их на прочность¹¹. Прием не был новаторским, но он помогал Толстому показывать читателям, что общество устроено неправильно, потому что благодаря «остраненному» взгляду очевидное виделось как абсурд. И это открывало новые смыслы.

Толстой проделывал подобный акт остранившегося видения не только по отношению к лже-святыням и лже-ценностям. Таким образом он описывал, например, в «Войне и мире» (1865–1869) театральное представление и много других вещей. Но в своих поздних произведениях, в частности, в романе «Воскресение» (1899) он применял прием остранения к описанию церковных обрядов (чтобы вывести читателя из состояния обрядового автоматизма, заставить думать о сути веры), к судам (чтобы показать «антихристианский» характер судов). В рассказе «Холстомер» (1886) – к институту частной собственности: собственность, показанная нам глазами лошади, кажется глупостью. Одним словом, прием остранения для Толстого был, безусловно, орудием пропаганды своих идей. И такая пропаганда художественными методами, без прямого политического высказывания, представлялась ему эффективной, учитывая то колоссальное воздействие, которое литература оказывала на российскую действительность во второй половине XIX века.

В сценах «Анны Карениной», описывающих выборы, Толстой показывает дворянское собрание местом, необходимым исключительно для того, чтобы тешить тщеславные чувства почти праздных людей, и подводит читателя к пониманию, что необходимо заниматься реальным делом, а не имитацией якобы общественно-полезной деятельности.

В какой-то момент, устав от созерцания выборов, среди толпы совершенно чуждых ему людей, движимых лишь политическими амбициями, Левин заводит разговор с незнакомым старичком-помещиком «с семью усами, в полковничьем мундире старого генерального штаба». Оказывается, что у Левина и старичка полностью совпадают взгляды на жизнь и хозяйство. Левин признается своему случайному собеседнику, что очень плохо понимает «значение» дворянских выборов, на что старичок отвечает: «Да что ж тут понимать? Значения нет никакого. Упавшее учреждение, продолжающее свое движение только по силе инерции. Посмотрите, мундиры – и эти говорят вам: это собрание мировых судей, непререкаемых членов и так далее, а не дворян»¹². И далее уточняет, что собравшиеся на дворянских выборах «политики» – не дворяне вовсе, «это землевладельцы, а мы помещики». Настоящие помещики, по мнению старичка (и присоединившегося к нему Левина), отличаются от землевладельцев тем, что не пытаются получить с земли своей быстрый доход. Оба собеседника признаются друг другу, что почти не

¹¹ Подробней см.: Прокудин 2013: 139-147.

¹² Толстой 1935б: 232.

получают прибыли со своих имений. «Свои труды задаром <...>, – говорит старичок. – А вот делаешь! Что прикажете? Привычка, и знаешь, что так надо». На это Левин воодушевленно отвечает: «это совершенно справедливо. Я всегда чувствую, что нет настоящего расчета в моем хозяйстве, а делаешь... Какую-то обязанность чувствуешь к земле»¹³.

Обязанности к земле собеседники противопоставляют желанию представителей других классов общества, получивших после крестьянской реформы возможность покупать землю, обогащаться за счет сельского хозяйства: «– Да вот я вам скажу, – продолжал помещик. – Сосед купец был у меня. Мы прошлись по хозяйству, по саду. “Нет, – говорит, – Степан Васильич, всё у вас в порядке идет, но садик в забросе”. А он у меня в порядке. “На мой разум, я бы эту липу срубил. Только в сок надо. Ведь их тысяча лип, из каждой два хороших лубка выйдет. А нынче лубок в цене, и струбов бы липовеньких нарубил”.

– А на эти деньги он бы накупил скота или землю купил бы за бесценок и мужикам роздал бы внаймы, – с улыбкой докончил Левин, очевидно не раз уже сталкивавшийся с подобными расчетами. – И он составит себе состояние. А вы и я – только дай Бог нам свое удержать и детям оставить. <...> И дворянское дело наше делается не здесь, на выборах, а там, в своем углу. Есть тоже свой сословный инстинкт, что должно или не должно. Вот мужики тоже, посмотрю на них другой раз: как хороший мужик, так хватает земли нанять сколько может. Какая ни будь плохая земля, всё пашет. Тоже без расчета. Прямо в убыток»¹⁴.

Старичок высказывает убеждение, что «наживать капитал – дело купцов, а не дворянское дело». У дворян другое предназначение. «Настоящие дворяне», т.е. помещики, а не «землевладельцы», это люди, которые по «сословному инстинкту» ощущают необходимость поддержания стабильности в обществе. Их «обязанность к земле» – это такой подход к сельскому хозяйству, который гарантирует эту стабильность во временной перспективе. Причем не только с хозяйственной, но и с социальной точки зрения, ведь безответственное или хищническое отношение к земле со времен крестьянской реформы часто приводило к обезземеливанию крестьян, социальной дифференциации населения, росту нищеты в деревне и т.д. Оказывается, что в ситуации появления капиталистических отношений в сельском хозяйстве, бремя поддержания общества в состоянии устойчивого равновесия ложится на плечи ответственных «настоящих» помещиков.

Левин понимает, что система прежних отношений между помещиком и крестьянином, складывавшаяся веками, «переворотилась», а новая еще только «зарождается», и вопрос, какой она будет – «самый важный вопрос в России». Левина не покидает тревожное ощущение, что настоящее время чревато социальной катастрофой, разрушением самого

¹³ Там же: 232.

¹⁴ Там же: 233-234.

главного – производственного сектора российской экономики, который создается и поддерживается двумя сословиями – помещиками и крестьянами. И если первый аспект дворянской «обязанности к земле» – это противостояние капиталистическим отношениям в сельском хозяйстве (устойчивое развитие для большинства вместо быстрой наживы для немногих), то второй аспект «обязанности к земле» – это личная работа помещика «в своем углу». Помещик, по мысли Левина, не только не должен продавать свою землю или отдавать ее «внаймы», вовлекая работников в ненадежные товарно-денежные отношения, но и не должен передоверять занятие своим хозяйством третьим лицам, управляющим. По двум причинам. Во-первых, потому что в конце концов, в финансовых вопросах помещик может рассчитывать только на себя (по мнению Левина, полностью доверять имение управляющему – значит, получать личный досуг в обмен на неизбежное воровство). А во-вторых, потому что только так, проживая на своей земле, хозяева имений могут привить навыки к хозяйственной работе наследникам.

В конце романа Левин провозглашает некие правила жизни, к которым он пришел путем проб и ошибок. Помимо прочего, он говорит: «Жить семье так, как привыкли жить отцы и деды, то есть в тех же условиях образования и в тех же воспитывать детей, было несомненно нужно. Это было так же нужно, как обедать, когда есть хочется; и для этого так же нужно, как приготовить обед, нужно было вести хозяйственную машину в Покровском так, чтобы были доходы. Так же несомненно, как нужно отдать долг, нужно было держать родовую землю в таком положении, чтобы сын, получив ее в наследство, сказал так же спасибо отцу, как Левин говорил спасибо деду за всё то, что он настроил и насадил. И для этого нужно было не отдавать землю внаймы, а самому хозяйничать, держать скотину, навозить поля, сажать леса»¹⁵.

Левинская «концепция» «обязанности к земле», предполагающая уважение к традициям и ценностям предков, сохранение коренных устоев российской жизни, кажется, мировоззренчески соответствует идеологии консерватизма, хранительству¹⁶. Однако противоречия начинаются, когда Левин начинает разговор о социальной справедливости. Речь идет о его диалоге со Стивой Облонским, который состоялся во время охоты в крестьянской избе (часть шестая). В этом разговоре Левин высказался против чрезмерной роскоши, в которой живут аристократы, и «нечестности приобретений» представителей высшего класса, «не соответствен-

¹⁵ Там же: 371.

¹⁶ Концепция русского «хранительства» была предложена профессором МГУ им. М.В. Ломоносова М.А. Маслинным и разрабатывается Д.В. Ермашовым, С.В. Перевезенцевым, А.А. Ширинянцем и др. См.: Ермашов, Ширинянц 2016; Ширинянц 2006 и др. Концепция «хранительного» направления русской социально-политической мысли реализуется в антологии «Хранители России» (Тт. 1-6, М., 2015-2018).

ных положенному труду». Недовольный подобной атакой на дворянство Степан Аркадьич заметил, что несмотря на то, что Левин очевидно много работает по хозяйству, он получает по крайней мере в сто раз больше, чем любой его наемный работник: «то, что ты получаешь за свой труд в хозяйстве лишних, положим, пять тысяч, а наш хозяин мужик, как бы он ни трудился, не получит больше пятидесяти рублей, точно так же бесчестно»¹⁷. Пойманный на противоречии, Левин соглашается: «—Нет, позволь, — продолжал Левин. — Ты говоришь, что несправедливо, что я получу пять тысяч, а мужик пятьдесят рублей: это правда. Это несправедливо, и я чувствую это, но... <...>

— Да, ты чувствуешь, но ты не отдаешь ему своего имени,— сказал Степан Аркадьич, как будто нарочно задиравший Левина. <...>

— Я не отдам потому, что никто этого от меня не требует, и если бы я хотел, то мне нельзя отдать, — отвечал Левин, — и некому.

— Отдай этому мужику; он не откажется.

— Да, но как же я отдам ему? Поеду с ним и совершу купчую?

— Я не знаю; но если ты убежден, что ты не имеешь права...

— Я вовсе не убежден. Я, напротив, чувствую, что не имею права отдать, что у меня есть обязанности и к земле и к семье.

— Нет, позволь; но если ты считаешь, что это неравенство несправедливо, то почему же ты не действуешь так...

— Я и действую, только отрицательно, в том смысле, что я не буду стараться увеличить ту разницу положения, которая существует между мною и им.

— Нет, уж извини меня; это парадокс»¹⁸.

«Обязанность к семье», о которой говорит Левин, мы выносим за скобки. Очевидно, что молодой муж и отец семейства чувствует необходимость материально обеспечивать семью. Но вот отказ восстановить справедливость и отдать землю крестьянам ради «обязанности к земле» вызывает вопросы. Левин не готов отдать землю крестьянам, потому что убежден, что без его помещичьего руководства крестьяне не справятся с хозяйством, и земля оскудеет? Или, памятуя о новых капиталистических отношениях, он не готов отдать землю крестьянам, потому что это приведет неминуемо к тому, что земля окажется в руках «хищников-капиталистов», которые в погоне за быстрой наживой высосут из нее все соки и будут нещадно эксплуатировать наивных работников-крестьян? То есть Левин, признавая «бесчестность» материального неравенства, отказывается отдавать крестьянам землю ради блага самих же крестьян и стабильности российского общества?

Двойственность позиции Левина в отношении крестьян некоторые советские критики называли лицемерием. В работе «Народ у Толстого» Г.Б. Нерадов (Шатуновский) пишет: «В “Анне Карениной” уже начина-

¹⁷ Толстой 1935б: 161.

¹⁸ Там же: 162-163.

ется проповедь “крестьянского царства”. Левин уже весь в плену деревни. Просветленный, религиозный помещик, правда совсем не прочь в бескормицу продавать по хорошей цене крестьянам солому. “Внутренний голос”, нашедший себе резиденцию около желудка Левина, не протестует, когда помещик нанимает себе рабочих подешевле. Религия – это оно дело, а эксплуатировать нужду крестьян – это другое дело¹⁹.

В «правилах жизни», которые для себя формулирует Левин к концу романа, есть следующие слова: «Он знал, что нанимать рабочих надо было как можно дешевле; но брать в кабалу их, давая вперед деньги, дешевле, чем они стоят, не надо было, хотя это и было очень выгодно. Продавать в бескормицу мужикам солому можно было, хотя и жалко было их»²⁰. Однако по смутной мысли тогдашнего Левина (он отказывается размышлять «что должно и что не должно», но на бессознательном уровне точно знает «как ему надо все это делать и какое дело важнее другого»), такой подход к крестьянству нельзя назвать эксплуатацией, это, скорее, интуитивная уверенность в правильности поддержания старого порядка отношений помещиков и крестьян ради общей пользы.

«Левин, – резюмирует Нерадов, – не признает поднимающейся на его глазах буржуазии. Он видит только мужика, считает, что можно уйти в деревню, слиться там с подавальщиком Федором, и тогда можно будет глубочайшим образом наплевать на всю борьбу, происходящую в мире и на все научные достижения, на все завоевания техники. Он строит свое крестьянское мужицко-анархистское христианское царство»²¹. Левин, видя слом старых устоев крестьянской жизни, начало капиталистических отношений, ищет защиты в укреплении патриархального быта, по сути, призывает «подморозить Россию». Как писал В.И. Ленин в работе «Лев Толстой как зеркало русской революции», противоречия Толстого надо оценивать «с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеливания масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней»²². Левин надеется, что патриархальные отношения могут продолжаться и дальше, если помещики будут относиться с большей ответственностью к своим сословным обязанностям, осознают «обязанность к земле».

Если идеи, высказанные Левиным в романе «Анна Каренина», можно рассматривать как один из этапов осмысления самим Толстым проблемы общественного идеала и путей развития России, то интересно сравнить мысли Левина о сельском хозяйстве с мыслями по этому поводу героя позднего толстовского романа «Воскресение» (опубликованного через 22 года), Дмитрия Нехлюдова.

¹⁹ Нерадов 1929: 20.

²⁰ Толстой 1935б: 373.

²¹ Нерадов 1929: 20-21.

²² Ленин 1928: 52.

Бросается в глаза схожесть их взглядов. Вопреки распространенному представлению, что после «духовного рождения» взгляды Толстого радикально менялись, мы видим, что Нехлюдов только развивает мысли Левина в том, что касается сельского хозяйства. Толстой пишет: «Теперь ему [Нехлюдову] было ясно, как день, что главная причина народной нужды, сознаваемая и всегда выставляемая самим народом, состояла в том, что у народа была отнята землевладельцами та земля, с которой одной он мог кормиться. А между тем ясно совершенно, что дети и старые люди мрут оттого, что у них нет молока, а нет молока потому, что нет земли, чтобы пасти скотину и собирать хлеб и сено. Совершенно ясно, что всё бедствие народа или, по крайней мере, главная, ближайшая причина бедствия народа в том, что земля, которая кормит его, не в его руках, а в руках людей, которые, пользуясь этим правом на землю, живут трудами этого народа. Земля же, которая так необходима ему, что люди мрут от отсутствия ее, обрабатывается этими же доведенными до крайней нужды людьми для того, чтобы хлеб с нее продавался за границу и владельцы земли могли бы покупать себе шляпы, трости, коляски, бронзы и т.п.». Нехлюдов, как и Левин, отчетливо осознает существующую социальную несправедливость. Но в отличие от Левина, который, по его же словам, пытался бороться с несправедливостью «отрицательно», т.е. старался «не увеличивать ту разницу положения», которая существует между ним и работниками-крестьянами, Нехлюдов убежден, что наличие земли в собственности помещика «ужасно и никак не может и не должно быть», «и надо найти средства, для того чтобы этого не было, или, по крайней мере, самому не участвовать в этом»²³.

Главным открытием Нехлюдова было убеждение, что земля не может быть предметом собственности вообще, «не может она быть предметом купли и продажи, как вода, как воздух, как лучи солнца». В момент осознания этой истины, как пишет Толстой, он понял, почему ему было стыдно вспоминать свое устройство дел в имении Кузминское: «Он обманывал сам себя. Зная, что человек не может иметь права на землю, он признал это право за собой и подарил крестьянам часть того, на что он знал в глубине души, что не имел права. Теперь он не сделает этого и изменит то, что он сделал в Кузминском»²⁴. То есть Нехлюдов, продолжая размышления Левина, в конце концов, отказывается от самого важного для него соображения, от его «обязанности к семье и земле», которая не давала Левину отдать землю крестьянам. Нехлюдова не интересует семья, семьи у него нет. Но главное, он уже не верит в особое предназначение дворянства. Возможно, в отличие от Левина, Нехлюдов понял, что в ситуации капиталистических отношений в сельском хозяйстве он сам становится капиталистом. В разговоре со старичком на дворянских выборах Левин представляет себя «старым» помещиком, а не «новым» землевладельцем, который заинтересован

²³ Толстой 1936: 217-218.

²⁴ Там же: 218.

только зарабатывать прибыль. Возможно, для Нехлюдова, в самом конце XIX века, это разделение кажется уже условным. Любой человек, который получает доход от работника, пользуясь своим правом собственности на землю, капиталист и преступник.

Таким образом, если общественный идеал, выраженный в толстовских романах, показывает этапы авторского осмысления насущных экономических, социальных и религиозных вопросов, то в романе «Воскресение», задуманном и написанном в последнее десятилетие XIX века, прежний идеал подвергается жестокой критике и отвергается вовсе. На смену Левинской идеи «обязанности помещика к земле» приходит евангельская идея об «обязанности» отдать землю тем, кто ее обрабатывает, и перестать быть «паразитом русского крестьянства». Если одной из основных социально-политических идей «Анны Карениной» была идея укрепления российского дворянства, с которым Толстой связывал надежды на обновление России, то романом «Воскресение» и другими поздними произведениями Толстой опровергает любые оправдания привилегированного статуса дворянства. «Едва ли кто-либо столько сделал для разрушения аристократического строя жизни, сколько аристократ Толстой»²⁵, – писал в 1911 г. С.А. Венгеров.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Венгеров С.А. Героический характер русской литературы // Венгеров С.А. Собрание сочинений. Т. 1. Изд. второе. Пг., Изд-во «Светоч», 1919. С. 5-176. [Vengerov S.A. Geroinchieskiy kharakter russkoy literatury // Vengerov S.A. Sobraniye sochineniy. T. 1. Izdaniye vtoroye. Pg., Izdatel'stvo «Svetoch», 1919. S. 5-176.]
- Красносельская Ю.И. Идея аренды в общественных начинаниях Льва Толстого 1857 г. // Slavica Revalensia. 2016. Т. 3. С. 70-94 [Krasnosel'skaya YU.I. Ideya arendy v obshchestvennykh nachinaniyakh L'va Tolstogo 1857 g. // Slavica Revalensia. 2016. T. 3. S. 70-94.]
- Красносельская Ю.И. Правительственные распоряжения по крестьянскому делу как источник «Записки о дворянском вопросе» Л.Н. Толстого // Яснополянский сборник: 2014. Статьи, материалы, публикации. Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2014. С. 15-28. [Krasnosel'skaya YU.I. Pravitel'stvennyye rasporyazheniya po krest'yanskomu delu kak istochnik «Zapiski o dvoryanskom voprose» L.N. Tolstogo // Yasnopolyanskiy sbornik: 2014. Stat'i, materialy, publikatsii. Muzey-usad'ba L.N. Tolstogo «Yasnaya Polyana», 2014. S. 15-28].
- Кропоткин П.А. Лекции по истории русской литературы. М.: Common place, 2016. 374 с. [Kropotkin P.A. Lektsii po istorii russkoy literatury. M.: Common place, 2016. 374 s.]
- Ленин В.И. Лев Толстой как зеркало русской революции // Ленин и Толстой. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1928. С. 49-55 [Lenin V.I. Lev Tolstoy kak zerkalo russkoy revolyutsii // Lenin i Tolstoy. M.: Izd-vo Kommunisticheskoy akademii, 1928. S. 49-55].
- Нерадов Г.Б. Народ у Толстого. М.: Акц. Изд. О-во «Огонек», 1929. 48 с. [Neradov G.B. Narod u Tolstogo. M.: Akts. Izd. O-vo «Ogonek», 1929 g. 48 s.]
- Прокудин Б.А. И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой как продолжатели социально-политических идей Ж.-Ж. Руссо // Политическая наука. 2017. Специальный выпуск. С. 213-233. [Prokudin B.A. I.S. Turgenev i L.N. Tolstoy kak prodolzhateli sotsial'no-politicheskikh idey Zh.-Zh. Russo // Politicheskaya nauka. 2017. Spetsial'nyy vypusk. S. 213-233.]
- Прокудин Б.А. Л.Н. Толстой: принцип «остранения» в политике // Ценности и смыслы. 2013. № 1 (23). С. 139-147. [Prokudin B.A. L.N. Tolstoy: printsip «ostraneniya» v politike // Tsennosti i smysly. 2013. № 1 (23). S. 139-147.]

²⁵ Венгеров 1919: 96.

- Толстой Л.Н. [Записка о дворянском вопросе] // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. Т. 16. М.: Художественная литература, 1983. С. 407-411. [Tolstoy L.N. [Zapiska o dvoryanskom voprose] // L.N. Tolstoy. Sobraniye sochineniy v 22 tt. T. 16. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1983. S. 407-411].
- Толстой Л.Н. [Писания, относящиеся к проекту освобождения яснополянских крестьян] // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 5. Произведения 1856–1859 гг. М.: Художественная литература, 1935а. С. 240-258. [Tolstoy L.N. [Pisaniya, odnosyashchiesya k proyektu osvobozhdeniya yasnopolyanskikh krest'yan] // Tolstoy L.N. Polnoye sobraniye sochineniy. T. 5. Proizvedeniya 1856-1859 gg. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1935a. S. 240-258].
- Толстой Л.Н. Анна Каренина // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений Т. 19. Анна Каренина. Части 5-8. 1935б [Tolstoy L.N. Anna Karenina // Tolstoy L.N. Polnoye sobraniye sochineniy: T. 19. Anna Karenina. Chasti 5-8. 1935b].
- Толстой Л.Н. Воскресение // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений Т. 32. Воскресение. М.: Художественная литература, 1936 [Tolstoy L.N. Voskreseniye // Tolstoy L.N. Polnoye sobraniye sochineniy. T. 32. Voskreseniye. 1936].
- Толстой Л.Н. Отрочество // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений Т. 2. Отрочество. Юность. 1935в. С. 3-79. [Tolstoy L.N. Otrochestvo // Tolstoy L.N. Polnoye sobraniye sochineniy. T. 2. Otrochestvo. Yunost'. 1935v. S. 3-79].
- Фойер К.Б. Генезис романа «Война и мир». СПб., 2002. С. 156 [Foyyer K.B. Genezis romana «Voyna i mir». SPb., 2002. S. 156].
- Шаваринская С.Р. Размышления о судьбах русского дворянства на страницах романов Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. С. 154-157 [Shavarinskaya S.R. Razmyshleniya o sud'bach russkikh dvoryanstva na stranitsekh romanov L.N. Tolstogo i F.M. Dostoyevskogo // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova, 2012. S. 154-157].
- Ширинянец А.А. Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России): концепция русской монархии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 4. С. 69-87. [Shirinyants A.A. Khranitel'stvo kak osnovaniye konservativnoy politicheskoy kultury intelligentsii (opyt poreformennoy Rossii): kontsepsiya russkoy monarkhii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki. 2006. № 4. S. 69-87].
- Ширинянец А.А., Ермашов Д.В. «Хранительство» Н.М. Карамзина // Тетради по консерватизму, 2016. № 4. С. 11-28. [Shirinyants A.A., Yermashov D.V. «Khranitel'stvo» N.M. Karamzina // Tetradi po konservatizmu, 2016. № 4. S. 11-28].
- Шкловский В.Б. Искусство как прием // Шкловский В.Б. Гамбургский счет. М.: «Советский писатель», 1990. С. 58-72 [Shklovskiy V.B. Iskusstvo kak priyem // Shklovskiy V.B. Gamburgskiy schet. M.: «Sovetskiy pisatel'», 1990. S. 58-72].

Прокудин Борис Александрович, кандидат политических наук, доцент, кафедра истории социально-политических учений, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, probor@bk.ru

The social ideal in Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina"

The case of Leo Tolstoy is unique. The social ideal expressed in his novels underwent dramatic changes. If the heroes of the early works of Tolstoy, in which researchers see the alter ego of the writer, were convinced of the special destiny of the nobility, then in the later ones they completely deny the traditional way of life of the nobility. And Tolstoy himself, according to Semen Vengerov, is turning into a writer nobleman who "destroyed the sociological justification of his class." Tolstoy's discussions about the fate of the Russian nobility in the 1870s, views on agriculture and the development of Russia were reflected in the pages of the novel "Anna Karenina". And his ideal of nobleman Tolstoy embodied in the image of Konstantin Levin.

Keywords: Leo Tolstoy, "Anna Karenina", "Resurrection", "non-resistance" anarchism, patriarchal ideal.

Boris Prokudin, Cand. Sci (Pol. Sci.), Associate professor, Department of the History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; probor@bk.ru